

Из ростовской старины.

(Театральныя воспоминанія).

Приказов. Кн. II. № 237
13 сент. 1894

Анатолий Клавдѣевич Ингасаровъ (по сценѣ Любскій) появился впервые въ Ростовѣ во время антрепризы Щербинъ, въ 1864 году, на ампула

простаковъ и «пѣвучихъ» любовниковъ въ тогдашнихъ опереттахъ («Женское любопытство», «Что такое любовь?», «Цирюльничъ стихотворецъ» и др.). О его пребываніи въ Ростовѣ я знаю только по рассказамъ и лично впервые увидѣлъ его въ 1874 году уже у Вальяно, на роляхъ драматическихъ героев и трагиковъ.

Любскій былъ одинъ изъ той плеяды артистовъ-самородковъ, любимцевъ толпы, къ которымъ принадлежали и покойные: Милославскій, Яковлевъ, Бергъ, Щегловъ и Рыбаковъ. Къ концу 70-ыхъ годовъ они сошли со сцены; больше такихъ характерныхъ артистовъ жизнь за послѣднія десятилѣтія не выдвинула, и живымъ воспоминаніемъ о нихъ остается только такъ ярко очерченный типъ Николая Хрисанфовича Рыбакова, выведеннаго Островскимъ въ его прекрасной комедіи «Лѣсъ». Съ 70-ыхъ годовъ пошли новыя пѣсни, появились и новыя люди. Репертуаръ измѣнился рѣзко въ нежелательную сторону. Классическіе авторы, русскіе и иностранные, — какъ Шекспиръ, Шиллеръ, Островскій, — отодвинуты на задній планъ, а мѣстами совсѣмъ сданы въ архивъ; Гоголь, Грибоедовъ даются еще иногда для очистки совѣсти, какъ говорится; переводныя мелодрамы, — создавшія извѣстность Щепкину, Садовскому, Шумскому, — сожжены. Еще можно было мириться съ замѣшавшимися изъ первоначально слащавыми и ходульными произведеніями Дьяченко и Крылова,

хотя въ первой по времени комедіи Крылова «Къ мировому» настоящій комизмъ и истинный юморъ были замѣнены грубымъ шаржемъ, притянутыми за волосы комическими положеніями. Но скорѣй прошло и это, и началась какая-то комедійно-драматическая сатурналія. Повылѣзли на Божій свѣтъ изъ разныхъ щелей цѣлыя полчища авторовъ изъ числа непрізнанныхъ знаменитостей, сочиненіе театральныхъ пьесъ стало производиться по образу и подобию масляничнаго блинопеченія въ купеческой семьѣ, и появились также новый типъ — лицедействующей богемы. За послѣднее 25-лѣтіе мы, по части драматическихъ героев и трагиковъ, пользовались лишь остатками былого «величія», а все, что дала намъ сцена новаго, за рѣдкими исключеніями, мало дѣлаетъ чести отечественному искусству. Создалась масса «чистенькихъ» любовниковъ, полугероевъ, съ прекрасными костюмами, выхолощенными фizioноміями, французскою рѣчью и, подчасъ, даже съ знаніемъ музыки (чѣмъ пользуются современные авторы, вставляя въ свои произведенія — ни къ селу, ни къ городу — музыкальные нумера), но — увы! — съ микроскопическими талантами; дѣйствительныхъ же, крупныхъ дарованій нѣтъ, какъ нѣтъ. Одинъ только Малый театръ въ Москвѣ, вѣрный традиціямъ старины, не соблазнился новымъ репертуаромъ и успѣлъ за-то дать намъ цѣлый рядъ недюжинныхъ артистиче-

скихъ звѣздъ. Убито дѣло чистой драмы почти повсемѣстно, а на югѣ Россіи — въ особенности, и замѣнившая ее оперетка уступаетъ мѣсто лишь флиртовымъ пьесамъ, гдѣ развратъ на бархатѣ и шелку варьируется на всѣ лады. Любскій воспитался на Шекспирѣ и Островскомъ, да на французскихъ мелодрамахъ. Это былъ актеръ съ темпераментомъ. Я узналъ его, какъ уже говорилъ выше, 20 лѣтъ назадъ, въ полномъ расцвѣтѣ его таланта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ разгарѣ его болѣзни — алкоголизма, доведшей его, въ концѣ его карьеры, до степени уличнаго попрошайки. Кто изъ старожиловъ Новочеркасска, Ростова и Таганрога, читая эти строки, не воскреситъ въ своей памяти тѣ чудные образы Отелло, Гамлета, Лира, Ришелье, Чацкаго, какіе создавъ нашъ этотъ артистъ-самородокъ, но за-то, съ другой стороны, кто не помнитъ также тѣхъ скандальныхъ исторій, которыми сопровождался почти каждый спектакль, въ которомъ участвовалъ Любскій.

Противъ бывшаго Гайрабетовскаго театра, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится аптекарскій магазинъ г. Новичкаго, 20 лѣтъ назадъ стояло низенькое, невзрачное деревянное зданіе, состоявшее изъ двухъ большихъ комнатъ: одной — съ окнами на Садовую улицу и другой — съ окнами во дворъ. Это былъ театральныи довольно грязный ресторанъ, содержимый двумя

братьями-армянами. Въ первой комнатѣ былъ буфетъ и столъ, во второй — биллиарды. Здѣсь собирались артисты и до и послѣ репетицій, и послѣ спектакля. Однажды, — это было, приблизительно, за недѣлю до Рождества 1874 года, — часовъ въ 5 вечера, мы цѣлой компаніей засѣли у окна на Садовую — пображничать. Среди насъ былъ и Любскій. Отъ выпивки онъ сначала отказывался, ссылаясь на то, что жена его катается на Садовой (у насъ тогда единственнымъ удовольствіемъ, зимою, было катанье на саняхъ по тогда еще не занатой тротуарами и торговыми лавками Садовой улицѣ), а ключъ отъ квартиры у него, и что если онъ ключъ домой не доставитъ, то женѣ грозитъ провести ночь на улицѣ. По актерскому обычаю, его стали уговаривать, — онъ выпилъ рюмочку — другую и затѣмъ твердо усѣлся за столъ. Каждый часъ онъ смотрѣлъ на улицу, гдѣ уже не было катающихся, и, держа ключъ въ рукѣ, все собирался уходить и все вновь оставался, чтобы выпить «последнюю». Я успѣлъ въ 2 часа ночи, но Любскій остался въ ресторанѣ. На завтра, въ 10 часовъ утра, Бецкій (помощникъ режиссера), не видя Любскаго, послалъ за нимъ въ ресторанъ. Тамъ его нашли, съ ключемъ въ рукахъ, допивающимъ все ту же «последнюю» и торопящимся домой, въ виду пугавшей его угрозы жены — остаться ночевать на улицѣ.

Шелъ «Отелло». Театръ былъ переполненъ. Любскій, какъ онъ выражался, «положилъ лѣво на бортъ» еще до спектакля и въ антрактахъ сдѣлалъ еще нѣсколько «взводовъ». Шекспира онъ зналъ наизусть, и суфлеру оставалось только слѣдить за нимъ, но слѣдить за-то было необходимо, — такъ какъ, случалось, на нашего трагика находило внезапно какое то затмѣніе и онъ не только забывалъ исполняемую роль, но и былъ въ состояніи хватить монологъ изъ другой пьесы. Въ тотъ вечеръ Любскій, какъ говорятъ, «переборщилъ» и къ началу пятого акта онъ едва-ли даже сознавалъ уже, что онъ играетъ. При появленіи на сцену, онъ сталъ въ глубинѣ ея и шопотомъ началъ произносить первыя слова: «Вотъ, вотъ причина, — вотъ причина...» (Отелло переводъ П. И. Вейнберга, актъ пятый, сцена вторая), но произносилъ онъ эти слова такъ, что ни публика, ни суфлеръ ничего не разобрали. Суфлеръ Фуссъ, думая, что Любскій еще ничего не сказалъ по роли, продолжаетъ подавать ту же фразу. Такъ продолжалось 2-3 минуты, — артистъ никакъ не могъ вспомнить продолженія, а Фуссъ продолжалъ подавать одно и то же. Наконецъ, Любскій медленно подходитъ къ суфлерской будкѣ и, нагнувшись, говоритъ вполголоса: «Причина, причина!.. Причина въ томъ, братъ, что ты пьянъ, глядишь въ книгу, а видишь фигу!..» Картина!...

Постомъ 1875 года Любскій слегъ. Я навѣщалъ его ежедневно. У него открылась горячка. Когда онъ сталъ поправляться, мы проводили вмѣстѣ цѣлые вечера. О водкѣ и помину не было. Больному давали по три рюмки портвейна въ день. Однажды, въ присутствіи жены Любскаго и актера Долгенсаго, мы стали упрашивать его окончательно перестать пить. Сколько мы его ни просили, сколько ни убѣждали, онъ отвѣчалъ только одно, — что это невозможно..

Въ прошломъ году, когда покойный Черкасовъ держалъ Александровскій садъ, тамъ играла драматическая труппа. Одинъ спектакль шелъ съ участіемъ Любскаго. Онъ меня не узналъ. Потерялъ онъ волосы, зубы, осунулся, обносился. Признаковъ когда-то бывшаго таланта и слѣда не осталось. Это былъ не прежній кумиръ толпы, — это была какая-то жалкая, безсильная развалина.

Впрочемъ, такъ и кончаетъ большая половина нашихъ провинціальныхъ артистовъ.

Б. Камнег.